

Контракт на один поцелуй

Надежда Чародейская

18+

Надежда Чародейская

Контракт на один поцелуй

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Контракт на один поцелуй / Н. Чародейская — «Автор», 2026

«Любые чувства ко мне будут стоить вам годовой зарплаты», — сказал он на собеседовании. Я подписала контракт. Я копила на квартиру у моря. Алиса Соболева — топ-менеджер, которая не боится говорить правду начальству. Кирилл Горелов — молодой магнат, который не доверяет никому. Он нанял её, чтобы врал за него. Она согласилась, чтобы не краснеть. Запрет на романтику. Ночные звонки. Фальшивый поцелуй на корпоративе, после которого мир перевернулся. Но когда прошлое настигает их — тюремный срок её брата, убийство его отца, предательство того, кого он считал другом, — контракт становится последним, о чём они думают. Пункт первый нарушен. Годовая зарплата — не цена за любовь. Но кто заплатит первым?

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Надежда Чародейская

Контракт на один поцелуй

Глава 1. Собеседование, которое я хотела провалить

Я стояла перед небоскрёбом «Горелов Индастри» и чувствовала, как соль на каблуках въедается в кожу. Осень в Москве — это не «золотая пора», как пишут в стихах. Это лужи, серая слякоть и запах выхлопных газов, который пробирается даже сквозь самый дорогой парфюм.

А мой парфюм был недорогим.

Я работала в прошлой компании три года. Три года я оптимизировала процессы, тащила на себе отдел стратегического развития, закрывала сделки, о которых начальство даже не мечтало. А в благодарность получила увольнение за то, что сказала финансовому директору правду: «Ваш план — это пирамида, просто у неё более красивая презентация».

Он покраснел. Я — нет. Я не краснею. Никогда. Это моё главное оружие.

И вот теперь я здесь. Перед зданием человека, про которого в Forbes написали: «Самый молодой самостройщик империи с нуля». Кирилл Горелов. Двадцать девять лет. Состояние — полмиллиарда долларов. Холост. Без детей. И, по слухам, без души.

— Соболева Алиса Андреевна? — раздалось из динамика у турникета.

— Да, — сказала я в камеру.

— Проходите. Металлодетектор, паспорт, пропуск. Мистер Горелов ждёт.

Мистер Горелов ждёт. Я чуть не рассмеялась вслух. Ему двадцать девять, а его называют «мистер Горелов», будто он лорд из девятнадцатого века.

Внутри здание оказалось даже более стерильным, чем снаружи. Мраморные полы, стеклянные перегородки, ресепшен из белого камня, за которым сидела блондинка с кубиками пресса — её явно наняли как элемент интерьера. Она улыбнулась мне с такой силой, что у меня заныли скулы.

— Девятая по счёту, — шепнула она, когда я забирала пропуск. — Идите прямо, потом направо, лифт на сорок четвёртый. И... мисс Соболева?

— Да?

— Не смотрите ему в глаза больше трёх секунд. Он думает, что это вызов.

— Спасибо за совет, — сказала я. — Я его проигнорирую.

В лифте я поправила блузку. Белая, строгая, без единой складки. Волосы собраны в низкий пучок. Макияж — только тушь и помада. Не красная, нет. Розово-бежевая, «нюда», почти невидимая. Я не хотела, чтобы он думал, будто я пытаюсь ему понравиться.

Я хотела, чтобы он нанял меня за ум.

Сорок четвёртый этаж пах стеклом, дорогим кондиционером и плохо скрываемой паникой. Зона ожидания — три кресла из чёрной кожи, журнальный столик с глянцевыми отчётами, и три женщины. Мои предшественницы.

Они сидели, сжимая в руках папки, и выглядели так, будто их только что окатили ледяной водой.

— Вы тоже на собеседование? — спросила одна, брюнетка в идеальном костюме.

— Уже нет, — сказала я. — Вы уже были у него?

— Он даже не поздоровался, — прошептала другая, блондинка с дрожащими губами. — Просто сказал: «У вас три минуты, чтобы меня удивить». Я не удивила.

— А я удивила, — подала голос третья, рыжая, с идеальным маникюром. — Я сказала, что умею готовить его любимый кофе. Он ответил, что ему не нужна домработница. И попросил выйти.

Я слушала и чувствовала, как внутри закипает азарт. Этот Горелов не просто проверяет кандидатов. Он их ломает. Он ищет не ассистента, он ищет того, кто не сломается. Того, кто не заплачет. Того, кто ответит.

— Мисс Соболева? — администраторша с кубиками пресса возникла из ниоткуда. — Мистер Горелов готов вас принять.

Я взяла свою папку — в ней были не только резюме, но и анализ трёх последних сделок компании, и подборка твитов его же сотрудников, где они жаловались на ночные звонки. Я готовилась три дня. Я знала о Горелове больше, чем его мать. И мать я тоже нашла — она живёт в Швейцарии и коллекционирует антикварные часы.

— Идите за мной, — сказала администраторша.

Кабинет оказался меньше, чем я ожидала. Никакого пафоса. Серые стены, звукоизоляция, три монитора, кресло-мешок в углу, и за столом — он.

Кирилл Горелов.

На фото в журналах он выглядел как мальчик из хорошей семьи. В жизни — как волк, которого кормили сырым мясом и учили не доверять никому.

Тёмные волосы, чуть длиннее, чем принято в бизнесе. Серые глаза — нет, не серые. Стальные. С таким цветом либо в космос лететь, либо людей в порошок стирать. Рубашка без

галстука, расстёгнута на две пуговицы. На левом запястье — часы Patek Philippe, которые стоят как моя бывшая квартира в спальном районе.

На столе — диктофон. Красная лампочка горит.

Он даже не поднял головы, когда я вошла.

— Садитесь, — сказал он. — У вас минута, чтобы объяснить, почему я должен нанять девятую.

Голос — низкий, без интонаций. Каждая фраза — как приказ.

Я не села в кресло напротив — слишком очевидно. И не села на стул у стены — слишком робко. Я подошла к окну, посмотрела на панораму города, потом повернулась к нему.

— Потому что первые восемь были умными, — сказала я. — А я — умная и умею признавать, когда ошибаюсь.

Он поднял голову.

Я встретила его взгляд. Не отвела глаза. Сосчитала про себя: одна секунда, две, три, четыре, пять.

— Вы смотрите на меня шесть секунд, — сказал он. — Это рекорд.

— А вы слушаете меня уже пятнадцать, — ответила я. — Это рекорд для вас?

Тишина. Такая, что слышно, как гудит серверная за стеной. Я заметила, как дёрнулся его кадык. Как чуть сузились зрачки.

Он откинулся в кресле. Улыбнулся. У него была улыбка, которая не трогала глаз — пугающая, как трещина на льду. Такие улыбки бывают у людей, которые много раз обжигались и больше не хотят тепла.

— Мисс Соболева. Алиса. Я плачу в три раза выше рынка. Вы будете врать за меня, читать мои мысли и никогда не краснеть. Это три условия. Какой пункт вам не подходит?

— Никакой, — я подошла ближе и выложила на его стол свою папку. — Вопрос в другом. Вы забыли четвёртое. По ночам вы не спите. У вас бессонница, от которой не помогают снотворные, и вы звоните подчинённым в два часа ночи с вопросами про бренд-стратегию. Я хочу доплату за ночные смены.

Он замер.

Реально замер. Как животное, которое услышало шаги за спиной.

— Откуда вы...

— Ваш бренд-директор Илья Маркович в прошлую пятницу рассказывал в твиттере про «очередной ночной звонок шефа». Я сделала скрин. Илья Маркович не в курсе, что его аккаунт публичный, а его дочь лайкает все посты.

Я достала распечатку. Положила поверх его ежедневника.

Горелов медленно взял её. Прочёл. Поднял на меня взгляд — впервые не оценивающий, а... нет, не удивлённый. Заинтересованный. Как учёный, который наконец нашёл бактерию, способную выжить в кипятке.

— Вы знаете, что я могу вас не нанять просто за то, что вы слишком много знаете? — сказал он.

— Знаю, — кивнула я. — Но тогда вы не узнаете, кто ещё сливает ваши данные в телеграм-канал «ЗАКУЛИСЬЕ БИЗНЕСА». Это я тоже нашла. Там ваши мемы про совещания получают по три тысячи лайков.

Горелов моргнул. Один раз. Два. Три.

Потом выключил диктофон.

— Кофе? — спросил он. — У меня не та хрень с капсулами. У меня эспрессо из Вьетнама. С собой привозят.

Я выдохнула. Только сейчас заметила, что сжимала край своего пиджака так, что побелели костяшки.

— С молоком, — сказала я. — И да, я остаюсь.

Он встал. Обошёл стол. Ближе, чем надо. От него пахло кожей, кофе и чем-то ещё — чем-то, что заставило мой внутренний детектор лжи замолчать. Я не могла понять, опасность это или... притяжение.

— Контракт напечатаю к вечеру, — сказал он, глядя сверху вниз. — Пункт первый: любые чувства ко мне будут стоить вам бонуса в размере годовой зарплаты. Не потому, что я против чувств, а потому что они мешают бизнесу. Вы женщина. Вы будете влюбляться. Я хочу, чтобы вы знали цену этой ошибки.

— Отлично, — я поднялась, оказавшись почти вплотную. — Я коплю на квартиру у моря. Так что даже не мечтайте, Горелов.

Он снова улыбнулся. На этот раз — краешком губ. Живым.

— Договорились, Соболева. С понедельника выходите.

Я развернулась и пошла к двери. Спиной чувствовала его взгляд — тяжёлый, как одеяло в июльскую жару. Не отпускал.

Уже в дверях он бросил вслед:

— И Алиса?

Я обернулась.

— М?

— Когда покраснеете — я замечу. У меня с этим пунктом особое внимание.

Я вышла, не оборачиваясь. В лифте — одна, под светом неоновых ламп — посмотрела в зеркало. Щёки были розовыми.

Чёрт.

Годовая зарплата — это очень много денег. Очень. Я почти поверила, что смогу устоять.

Но почему-то, когда лифт поехал вниз, я уже знала — не смогу.

Глава 2. Понедельник. Первый рабочий день.

Моё место оказалось в углу его кабинета. Стол — стеклянный, ноутбук — новый, мощнее моего домашнего в три раза. Рядом — папка с контрактом, скреплённая золотой скрепкой. И записка: «Подпишите. И не спорьте. Я пункты не меняю».

Я села, прочитала контракт от корки до корки.

Тридцать пять пунктов.

Пункт 1: Любые романтические или сексуальные чувства к работодателю ведут к штрафу в размере годовой зарплаты (определяется как 12 среднемесячных окладов).

Пункт 7: Запрещается делиться личной информацией о работодателе с третьими лицами (включая родственников и терапевтов).

Пункт 12: Ассистент обязан отвечать на звонки 24/7, кроме времени с 3:00 до 4:00 ночи (технический перерыв).

Пункт 23: Запрещается плакать на рабочем месте.

Пункт 35: Любые изменения в контракт вносятся только с согласия обеих сторон.

Я усмехнулась. Пункт про слёзы показался особенно смешным. Я не плакала с тех пор, как Диму посадили. А это было три года, семь месяцев и двенадцать дней назад.

Я подписала. Два экземпляра. Один оставила ему на столе.

Горелов вошёл ровно в 9:00. Без опозданий. В сером костюме, с тёмными кругами под глазами. Он не спал. Опять.

— Доброе утро, Соболева, — сказал он, даже не глядя на меня. — Почему вы уже на месте?

— Потому что моя работа начинается в 8:30, согласно пункту 4.

— Я изменил пункт 4. Теперь с 9:00.

— Тогда вы должны были предупредить меня до подписания.

Он остановился. Повернулся. Посмотрел на меня так, будто видел в первый раз.

— Вы читаете контракты?

— Всегда. Пункт 18 обязывает меня это делать.

— Пункт 18 — о конфиденциальности, — парировал он.

— Да. Но я делаю из него вывод, что если я буду невнимательной, то нарушу конфиденциальность. Поэтому я внимательная.

Горелов открыл рот, закрыл, покачал головой и сел за свой стол.

— Вы невыносимы, Соболева.

— Это моя работа.

— Ваша работа — врать за меня и не краснеть.

— Я не покраснела, — сказала я, разворачивая ноутбук. — И пока не соврала.

Он ничего не ответил. Но я заметила: на его губах снова мелькнула та странная, почти живая улыбка.

Первый рабочий день пролетел как в тумане.

Горелов оказался не просто начальником. Он оказался машиной. Он давал задания быстрее, чем я успевала их записывать. «Соболева, разберитесь с контрактом по Казани. Соболева, почему отдел продаж провалил план? Соболева, найдите мне аналитику по рынку Юго-Восточной Азии за последние три года. Нет, не в интернете, там ерунда. Найдите настоящую».

К обеду у меня гудела голова. Я не успела выпить кофе, не успела поесть, не успела даже в туалет. К трем часам я поняла, что если так продолжится, я свалюсь прямо на клавиатуру.

Но я не свалилась.

Я открыла его ежедневник — тот, что лежал на столе с разрешения — и нашла тайм-слот. 15:30–15:45. «Обед».

— Горелов, — сказала я, вставая. — У вас обед.

— У меня нет обеда. Я не голоден.

— Это не вопрос. Это констатация факта. Согласно пункту 14, работодатель обязан обеспечить ассистенту перерыв на обед не менее 30 минут. Я голодна. Вы идёте со мной.

Он поднял глаза от экрана.

— Вы приказываете мне?

— Я напоминаю вам о контракте, который вы сами написали.

Несколько секунд он сверлил меня взглядом. Я не отвела глаз. Я уже поняла: с этим человеком нельзя отступать ни на шаг. Как только он почувствует слабость — сожрёт.

— Идём, — сказал он наконец и встал. — Но только в бизнес-ланч внизу. И вы платите сами.

— А вы жмот, Горелов.

— Я экономный, Соболева. Это разные вещи.

Мы спустились в кафе на первом этаже. Стеклянные стены, белые скатерти, запах свежей выпечки. Он заказал суп и салат. Я — пасту и кофе.

— Я слежу за фигурой, — пояснил он, заметив мой взгляд на своём заказе.

— А я нет, — ответила я, вгрызаясь в пасту. — У меня генетика хорошая.

— У вас ещё и скромности нет.

— Она не нужна в бизнесе, Горелов.

— А вы в бизнесе?

Я замерла с вилок у рта.

— Я на работе. Это одно и то же.

— Нет, — он откинулся на стуле, сложил руки на груди. — Работа — это выполнение обязанностей. Бизнес — это жить этим. Дышать этим. Не спать ночами из-за этого. Вы — работник. Я — бизнесмен.

— И поэтому вы спите четыре часа в сутки? — спросила я.

— Как вы...

— Тени под глазами. И пульс. Я заметила, когда вы наливали кофе — у вас дрожали пальцы. Это от недосыпа или от страха?

Он замолчал. Я поняла, что зашла слишком далеко. Пункт 7: не задавать личных вопросов шефу без его разрешения.

— Извините, — сказала я. — Это было грубо.

— Да, — кивнул он. — Но правдиво. — Он помолчал, потом добавил: — Я сплю четыре часа. Иногда три. Иногда не сплю вообще. Снотворное не помогает. Я пробовал всё: и травы, и таблетки, и даже гипноз. Не работает.

— Потому что вы боитесь, — сказала я тихо.

Он поднял бровь.

— Чего?

— Того, что увидите во сне. Или того, что не увидите.

Я не знала, зачем это сказала. Может, потому что он выглядел уставшим. Может, потому что в его глазах, стальных и холодных, я вдруг увидела то же самое, что видела в зеркале каждую ночь — страх остаться одному.

— Соболева, — сказал он после долгой паузы. — Вы опасны.

— Я знаю.

— Мне это в вас нравится. Но будьте осторожны. Я не прощаю тех, кто видит меня насквозь.

Я доела пасту, вытерла губы салфеткой и сказала:

— Я и не прошу прощения. Я просто делаю свою работу. Видеть вас насквозь — часть моей работы.

— Пункта такого нет.

— Я добавлю его завтра.

Он засмеялся. Настоящим смехом, не дежурным. Я подумала: интересно, когда он смеялся в последний раз? И почему-то захотелось, чтобы этот смех повторился.

Глава 3. Первый ночной звонок

Телефон завибрировал на тумбочке в 02:17.

Я лежала с открытыми глазами уже час. В потолке, над кроватью, трещина напоминала карту неизведанной территории — туда, где не ступала нога нормального человека в два часа ночи.

В прошлой жизни я спала по восемь часов. В прошлой жизни у меня был жених, который укрывал меня одеялом и не звонил после полуночи, потому что «сон — это святое». В прошлой жизни я не работала на человека, который платит в три раза больше рынка и забирает себе мои ночи.

Экран засветился: ГОРЕЛОВ К.

— Слушаю, — сказала я максимально бодрым голосом. Играть сонную бесполезно — он уже знает, что я не сплю. Я проверяла его досье. Он тоже не спит никогда.

— Соболева, — голос низкий, хриплый. Не больной — уставший. Как у человека, который пересмотрел все серии «Чёрного зеркала» и теперь боится выключать свет. — У вас есть три минуты, чтобы убедить меня не увольнять отдел маркетинга целиком.

Я села в кровати. Включила ночник. На часах — 02:18. На календаре — вторник. Значит, он продержался без ночных звонков ровно один рабочий день.

— А они что сделали?

— Новый лендинг. Там форма захвата почты светится розовым. Розовым, Соболева. Мы не детский сад и не OnlyFans.

Я зажала рот рукой, чтобы не рассмеяться. Представила его в три часа ночи, уставившегося в монитор с выражением кота, который нашёл огурец на ковре. В пижаме? Или он спит в костюме? Наверное, вообще не раздевается.

— Дайте мне ссылку, — сказала я. — И три минуты не надо. Сорок секунд.

Он сбросил ссылку в мессенджере. Я открыла на ноутбуке, зажмурилась от яркого света. Розовый. Господи, какой розовый. Будто Барби решила открыть IT-стартап.

— Это цвет #FF69B4. Hot Pink, — сказала я. — Его утверждала Ольга Львовна из отдела бренда. Она в декрете с прошлой недели, её заменяет стажёр Ксюша, которая вчера подписала договор с типографией на бланках в цветочек. Уволить маркетинг нельзя, потому что Ксюша — племянница вашего заместителя по безопасности. А вот заменить розовый на тёмно-серый — можно. За минуту.

Пауза. Я слышала его дыхание — ровное, тяжёлое. Он не ждал, что я отвечу так быстро.

— Вы спите с ноутбуком под подушкой, Соболева?

— Я сплю с головой на подушке, Горелов. А ноутбук под кроватью. Для таких случаев.

— Для каких?

Я не должна была отвечать правду. Контракт. Пункт 3: сотрудник обязуется не раскрывать личные мотивы. Но часы показывали 02:21, и мой фильтр правды лёг спать ещё час назад.

— Для случаев, когда сильный мира сего не может уснуть и начинает звонить единственному человеку, который не боится сказать ему, что розовый — это полный провал.

Тишина. Долгая. Я подумала, что он бросил трубку.

— Соболева.

— М?

— Вы знаете, какой у меня любимый цвет?

Я замерла. Пальцы зависли над клавиатурой. В его досье, которое я собрала за выходные, не было этого пункта. Ни одной фотографии в цветной одежде. Ни одной заметки от бывших подруг — там, кстати, была только одна, и та сбежала в Лондон два года назад.

— Серый, — сказала я наугад.

— Неправильно.

— Тогда какой?

— Угадайте. У вас есть время до того, как я уволю маркетинг.

Он сбросил вызов.

Я уставилась в потолок с трещиной — на карту неизведанной территории, где Горелов говорит про любимые цвета в два часа ночи. Годовая зарплата. Я коплю на квартиру у моря.

Но мои пальцы уже открывали браузер, забивали в поиск: «Кирилл Горелов интервью любимый цвет».

Результат: ноль. Абсолютный ноль. Как человек, который заплатил айтишникам, чтобы стереть о себе всё из сети, кроме годовых отчётов. Ни фото в отпуске, ни интервью о личном, ни страничек в соцсетях. Призрак.

Я откинулась на подушку. Закрыла глаза.

И вдруг поняла: это была не проверка.

Это была игра. Его игра. Он хотел, чтобы я думала о нём. Чтобы я не спала ночами, пытаясь разгадать его загадки. И я попалась.

Но я решила: я выиграю.

Завтра же я узнаю его любимый цвет. И пусть он тогда попробует уволить маркетинг.

Глава 4. Вторник. Утро после звонка

Я пришла в офис в 8:30. Это было нарушением — он перенёс начало дня на 9:00, но я решила: пусть знает, что я не игрушка.

Он уже сидел за столом.

В той же рубашке, что вчера? Нет, другая. Такая же серая, но с другим оттенком. Волосы влажные — только из душа. На столе — три пустые чашки из-под кофе. И диктофон включён.

— Доброе утро, Соболева, — сказал он, не поднимая головы. — Вы опоздали на полчаса.

— Вы сказали начинать с 9:00. Я пришла в 8:30. Это не опоздание, это ранний приход.

— В моём мире ранний приход без разрешения — это нарушение субординации.

— А в моём мире, Горелов, инициатива не наказуема. Если хотите, чтобы я приходила ровно в 9:00, пропишите это в контракте. Отдельным пунктом.

Он поднял голову. Глаза красные, но взгляд цепкий — как лазер. Он явно не спал. Я заметила: левая рука чуть дрожит — то ли от переизбытка кофе, то ли от недосыпа.

— Я передумал, — сказал он. — Приходите в 8:00. Мне нужно, чтобы вы были здесь, когда я прихожу.

— А во сколько приходите вы?

— В 6:30.

Я моргнула.

— Вы приходите в офис в 6:30 утра?

— В 6:30 я уже здесь. Я провожу встречи с азиатским рынком с 5:00. В 6:30 — зарядка. В 7:00 — душ. В 7:30 — первый кофе. В 8:00 — второй кофе и аналитика. Вы будете приносить мне второй кофе.

— Я буду приносить вам кофе? — переспросила я. — Я ассистент, а не бариста.

— Пункт 9: ассистент обязан выполнять любые поручения, связанные с комфортом работодателя, в том числе приготовление напитков.

— Там не было про кофе. Там было про «напитки».

— Кофе — это напиток, Соболева.

Я закрыла глаза. Сделала глубокий вдох. Посчитала до пяти.

— Какой кофе вы пьёте?

— Эспрессо. Вьетнамский. Зёрна обжарены два дня назад. Молотый средней помолки. Вода 92 градуса. 18 граммов на 40 миллилитров. Без сахара. С корицей.

— Я запомнила, — сказала я.

— Сомневаюсь.

— Через десять минут кофе будет на вашем столе. И, Горелов?

— Что?

— Завтра я приду в 6:30. И посмотрю, как вы проводите зарядку. В контракте нет запрета на наблюдение.

Он замер. На секунду — всего на секунду — его стальные глаза потеплели.

— Вы невыносимы, Соболева.

— Это моя работа.

— Ваша работа — не краснеть.

Я покраснела. Только чуть-чуть, только на скулах. Но он заметил.

— Видите? — он усмехнулся. — А говорили, что не умеете.

— Я и не умею, — сказала я, разворачиваясь. — Это кондиционер. У вас слишком холодно в кабинете.

Я вышла, чувствуя его взгляд на своей спине. И поняла: он прав. Я краснею. Каждый раз, когда он смотрит на меня дольше трёх секунд.

Годовая зарплата. Квартира у моря.

Я повторяла это как мантру, пока варила ему кофе.

Глава 5. Кофе, который всё изменил

Кофеварка в его офисе оказалась профессиональной. La Marzocco — такие стоят в лучших кофейнях города. Рядом — банки с зёрнами, весы, таймер, термометр. Аптекарский огород для кофемана.

Я достала весы, отмерила 18 граммов. Смолочила. Утрамбовала. Поставила таймер. 25 секунд экстракции, 40 миллилитров, температура 92 градуса.

Пока кофе капал, я подумала: как много времени он тратит на этот ритуал каждое утро? И зачем? Может, это его способ держать всё под контролем? Единственное, что он может контролировать идеально — идеальную чашку кофе.

Я посыпала корицей сверху — не молотой, а палочкой потёрла на мелкой тёрке, как делают в тех самых вьетнамских кофейнях. Поставила чашку на блюдце, отнесла в кабинет.

Он сидел, сгорбившись над монитором, и что-то печатал. Пальцы летали по клавиатуре со скоростью пулемёта.

— Ваш кофе, — сказала я, ставя чашку на свободный угол стола. — Подальше от документов.

Он поднял глаза. Взял чашку. Понюхал. Сделал маленький глоток.

— Почему корица не молотая?

— Потому что молотая — это пыль. А тёртая — это вкус. Вы не чувствуете разницы?

Он сделал ещё один глоток. Помолчал.

— Чувствую, — сказал он тихо. — Откуда вы знаете, как готовить такой кофе?

— Мой брат работал в кофейне, пока учился. Он научил меня.

— А где он сейчас?

Я замерла.

Вопрос прозвучал невинно. Обычный интерес. Но я знала, что за ним последует. История Димы — это клеймо, которое я ношу с собой три года. Когда люди узнают, что мой брат в тюрьме, они начинают смотреть на меня иначе. С жалостью. С подозрением. Со страхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.